
**«ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО»
КАК ФЕНОМЕН ГОСУДАРСТВА-ОРГАНИЗАЦИИ¹.
ОТ ГОСУДАРСТВА-УТОПИИ К ПОСТСОВРЕМЕННОМУ
АКЦИОНИЗМУ**

А. Неклесса²

Институт Африки РАН

Предмет исследования – «Исламское государство» как легальная манифестация экстремистских исламистских практик, политически и отчасти территориально обустроенная в государственном формате, не являющемся, однако, характерным для Нового времени типом государственности (nation-state). Цель исследования – определение этой специфичной государственности, поиск типологически схожих политконструкций, опознание ее возможных исторических аналогов с выделением общего и особенного. Гипотеза исследования – ИГИЛ/ДАИШ – постсовременный/неоархаичный извод феномена государства-организации, реализованный в новом историческом контексте. Характерные черты подобной государственности: претензия на обладание истиной и обязательная, государственная идеология (тоталитаризм); авторитарная и замкнутая структура власти (номенклатура); универсальность устремлений и глобальность притязаний (экспансионизм); фанатизм, культ силы и лидера, ксенофобия, крайние формы принуждения и наказания, преследования инакомыслящих; уничтожение наследия, ценностей и артефактов иных культур. Продвижение к универсальному джихаду прочитывается как личностный и социальный переворот, сакрально мотивированное обновление собственной судьбы и траекторий мира. Образцы государства-организации и близких к нему конструкций: а) в исламской культуре: распределенная государственность низаритов (хашишийя); б) в христианской культуре: локальная государственность Мюнстерской коммуны; в) в национальном движении: парагосударственность ихэтуаней; г) в секулярной культуре: гибридный конструкт «Мировая социалистическая советская республика»; д) в современном мироустройстве: травматическая инклюзия Донбасс (ОРДЛО). «Исламское государство» это также своеобразный постмодернистский акт. Активизм, футуристичность, элементы франчайзинга и «исламистского коммунизма» – все это находит отклик у людей, фрустрированных и травмированных современностью. Макабрическая версия «путешествия на Восток», перехватив эстафету у христианской миссии, левого и правого радикализма, треволнений New Age, верифицирует свой статус миражами исторического прорыва с отличными от мейнстрима картами будущего.

Ключевые слова: ИГИЛ, ДАИШ, государство-организация, утопия, политический режим, экстремизм, тоталитаризм.

¹ Статья является расширенной версией доклада «ISIS as Soft State (State as Organization)» на XXVIII Международном экономическом форуме (Крыница-Здруй, 4-6.09.2018).

² E-mail: neklessa@intelros.ru

Вместо предисловия

«Исламское государство»³ – своеобразный симулякр с головокружительной ретроспективой. Динамичная, территориально распределенная реальность ИГ, не являясь национальной государственностью, может рассматриваться как неоархаичный и одновременно постсовременный извод государства-организации. В согласии с канонами «общества спектакля» его эластичная плоть интерпретируется также как социальный демарш против меланхолии цивилизации – реконструкция агрессивно-эскапистских грез в стилистике à la «Дюна». Макабрическая версия «путешествия на Восток», перехватив эстафету у христианской миссии, левого и правого радикализма, треволнений New Age, верифицирует свой статус миражами исторического прорыва с отличными от мейнстрима картами будущего.

Мы не нанесли поражения идее, мы даже не понимаем эту идею.

*Майкл Нагата, командующий USASF
на Ближнем Востоке*

Афразийская зона нестабильности, смута Большого Ближнего Востока перерастают региональные рамки, формируя новый геополитический пейзаж и лексикон. Но что драматичнее – меняется сугубо географическое прочтение процесса, обретающего глобальные пропорции и универсальное измерение. Наиболее ярко это проявилось в калейдоскопе ИГ, иракско-сирийские руины и *ингияз* («временное отступление») которого – повод задуматься о перспективе, ретроспективе и сути мрачного явления.

«Исламское государство» – своего рода гордиев узел: матрица идентичности и политический феномен с неопределенным статусом, дополненный конъюнктурными геоэкономическими обстоятельствами. «Когда мы говорим об ИГ, нам не следует думать исключительно о долине реки Евфрат – это глобальная проблема. Мы воспринимаем ИГ в глобальном масштабе, и в таком контексте остатки физического халифата представляют собой лишь одно из его проявлений», констатировал на одном из брифингов генерал Кеннет Маккензи, представитель Комитета начальников штабов ВС США⁴. Действительно, ИГ – это не просто разветвленная подпольная организация, наподобие Аль-Каиды, а специфический вселенский агрегатор – сложное сплетение явлений, намерений и ситуаций, рабочая модель некоей постсовременной государственности как политически организованного сообщества, обоснованного волеизъявлением, а не территорией.

³ ИГ, ИГИЛ, ДАИШ, al-Dawla al-Islamiya fi al-Iraq wa al-Sham – террористическая организация, деятельность которой в России запрещена. – *Ред.*

⁴ Брифинг представителя Комитета начальников штабов ВС США генерал-лейтенанта Кеннет Маккензи (5.04.2018). URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5099710>.

Эта страна – существующая поверх границ динамичная совокупность людей, объединенных совпадающими помыслами и целями. Видимая часть комплексной конструкции, ее мигрирующая манифестация – распределенное множество территориально зыбких, протееобразных, но властно, милитарно и логистически организованных вилятов (knots), лояльных подвижному центру (nexus). К региональным сцеплениям, эклектичным союзам (hubs) примыкают «серые» зоны идеологической оккупации, многообразные мобильные взаимосвязи, виртуальные и антропологические сети (nets), «спящие ячейки», невидимые бригады (nests), скрытые в волнах мигрантов и беженцев, растекающихся по планете, иницируя образования (startups) с различной судьбой, в разных частях планеты⁵. Трансграничное население конфессионально и политически сопряженной «параллельной общности» обитает в рамках собственного понимания долженствований истории. Их моделирование практики – вне кокона политкорректности и воплощается в прямом действии: предъявлении urbi et orbi не опыта критической рефлексии, но провокативной, лишенной сантиментов акции.

Поражает «тефлоновый» характер феномена, его эволюционные возможности, способность к выживанию, трансформации и адаптации, растворению и конденсации. Колоссальные усилия по санации очевидным образом приносят результат, но подобно лернейской гидре – на месте одной зачищенной территории образуются новые, возникая порой в дальних регионах и на других континентах. При этом деятельный фундаментализм ИГ обращен все-таки не столько на реабилитацию прошлого, сколько на реконструкцию будущего. «Халифат в изгнании» как идея, имеющая основания, но лишенная привычных форм воплощения, способен перестроить региональное государство-организацию в сложно организованное трансграничное государство-предприятие, владеющее крупными нематериальными активами (кадровым, интеллектуальным, социальным, символическим и культурным капиталом), обладающее зонтичным брендом и применяющее технологии агрессивных моделей серого/черного бизнеса.

Спектр специфической «продукции-деструкции» может расширяться за счет безжалостного применения кибер-оружия, аутсорсинговой модели uber-терроризма, синхронизации операций кадровых ингимаси («исламистский спецназ») и истишхади с массовыми действиями спонтанных «солдат халифата» как антропологического оружия. Возможны новые формы ис-

⁵ Интересен в этой связи иной по характеру, но в некоторых типологических аспектах схожий исторический опыт Подпольного Польского государства (ППГ), эффективно действовавшего в годы нацистской оккупации. «Делегатура правительства на Родине» сумела привить обществу существенные элементы структурированной гражданской организации, соединив автономную от оккупационных властей социальную самоорганизацию с параллельной властной ее организацией, создав при этом деятельные формы специфического противостояния оккупационному режиму. Отдельные черты феномена проявились впоследствии при формировании движения «Солидарность» и даже в «оранжевой», «потешной» феноменологии Вроцлава (связанной также с голландским контркультурным опытом), в свою очередь стилистически повлиявшей на «оранжевую революцию» в Украине.

пользования гражданских средств и предметов двойного назначения, мотивирующей аудио/видео медийной пропаганды и нетаргетированных смысловых продуктов. Или, к примеру, культур-шока как стратегии уничтожения культурного наследия, но уже не в Афганистане, Пальмире или Мосуле, а непосредственно на территориях евромира, подрывая символический капитал современной цивилизации.

Обретение же экстремист-футуристами высокотехнологичных инструментов, перманентно производимых техногенной цивилизацией, модификаций ОМП либо аналогичных по мощи средств при отсутствии у ИГ стандартных опасений относительно ответного удара, способно существенно повлиять на режим безопасности на планете и характеристики силового противостояния в целом.

Неоархаика в сценографии постмодерна

Как ни парадоксально, суть феномена помогают прояснить «темные строки истории», позволяя точнее моделировать и футуристические горизонты.

Динамичная, территориально распределенная реальность «Исламского государства» не является характерным для Нового времени форматом национальной государственности (nation-state), по-своему отражая кризис данного института. ИГ может рассматриваться как неоархаичный и одновременно постсовременный извод особой полит-конструкции – *государства-организации*, чьи характерные черты: обязательная к исповеданию конфессия или идеология, утверждаемая властной номенклатурой; культ лидера; утопизм претензий и глобальность притязаний; нетерпимость к инакомыслию, преследование диссидентов, уничтожение наследия иных культур. Возникающие на геополитически нестабильных пространствах (limitrophus, shatterbelt) в разрывах политического текста *травматические инклюзии* [5. С. 280] проявляют подобные тенденции и, обладая частичным набором данных черт, представляют феномен в становлении с различной степенью завершенности. Взаимоотношения же с внешним миром не ограничиваются охранительным консерватизмом, демонстрируя подчас наступательный футуризм.

«Исламское государство» – впечатляющий вызов современным ценностям, однако, что не вполне очевидно, – это также своеобразный религиозно-революционный акт постмодернистской кооперации в преобразовании мира (джихад как соборное усилие, направленное на обновление в соответствии с онтологическим идеалом). В согласии с канонами «общества спектакля» эластичная реальность ИГ может интерпретироваться и как (1) квази-исторический симулякр с головокружительной ретроспективой, и как (2) социальный демарш против меланхолии цивилизации – своего рода «творимая легенда», реконструкция агрессивного-эскапистских грез в стилистике à la

«Дюна»⁶ («фримены, свободные от лжи и иллюзий», «быть частью чего-то большего», «сражаться за что-то») [8]. Она представляет, таким образом, контркультурный фетиш, бренд интегральной субъектности, глобальное геокультурное предприятие и обостряя эволюционную конкуренцию прототипов постсовременной наднациональной организации. То есть является амбициозной корпорацией, реализованной в исламо-ориентированной среде, но с универсальным потенциалом, эффективными мобилизационными кодами, социальной и культовой перспективой, не слишком зависимой от реалий «Исламского государства» и его будущей судьбы.

Присущие ИГ активизм, акционизм, футуристичность, элементы франчайзинга, «исламистского коммунизма», вкуче со спорадически вылетающими из его чертогов «черными лебедями», – все это находит отклик у людей, фрустрированных современностью, особенно молодежи [Ibid.]. Деятельная метафизичность устремлений, наличие значимой цели, коллективная суверенность и субъектность оказываются предпочтительнее участи прагматичного индивида-объекта⁷.

Макабрическая версия «путешествия на Восток», перехватив эстафету у христианской миссии, левого и правого радикализма, треволнений Нового века схожим образом верифицировала свой статус миражами исторического прорыва, предъявив иной путь в будущее. «Зеленый ковчег» мыслится симпатизантами и прозелитами как персональный исход из постылого существования – экзистенциальный опыт и конвертация отчуждения в преобразующее среду культур-конфессиональное сообщество, обладающее отличными от мейнстрима картами футур-истории. Синтез влиятельной массовой инициативы, суммы неочевидных и исключенных из оборота талантов, с отвращением-притяжением к обществу гламура сублимирует отверженность в избранность, изгойство в индивидуальный героизм, маргинальность – в холодок фронта. Продвижение к универсальному джихаду прочитывается как личностный и социальный переворот, битва за будущее, сакрально мотивированное обновление собственной судьбы и траекторий мира. А гностический привкус жесткого разделения людей на избранных и отверженных, все более проявляющийся в данной системе, достигает тем временем апофеоза, меняясь и мигрируя от презрительного уничтожения «других» к практике их физического уничтожения.

Соединение постсекулярных претензий с атмосферой постсовременного креационизма стимулировало рост иностранцев-боевиков в рядах ИГ. Перед иракским и левантийским разгромом их численность оценивалась при-

⁶ Как пишет пользователь Twitter с ником Bint Emergent: «Суть такова, Исламское государство – это классическая жертва несправедливости из области научной фантастики, которая, несмотря ни на что, сражается с кажущейся непобедимой империей зла Америкой – и в лучших традициях научной фантастики они побеждают». URL: <http://www.theatlantic.com/international/archive/2015/12/isis-jihadi-cool/421776/>.

⁷ «...у ИГ бездонный источник для вербовки молодежи на следующие 35 лет, и, как говорит ИГ, битва только началась. Вы Не Готовы». URL: <http://www.theatlantic.com/international/archive/2015/12/isis-jihadi-cool/421776/>.

мерно в 30 тыс. человек из 86 стран⁸, включая примерно 5 тыс. из России⁹. В противоположном направлении устремлен людской поток преимущественно из Сирии и Северной Африки, вливший за последние годы на территории Старого Света несколько миллионов беженцев.

Воплощение утопий

Феномен ИГ в значительной мере исламский постольку, поскольку реализуется в исламском мире и анализируется соответствующим образом. Но экзотичная оболочка подчас скрывает сущностные черты, опознание которых – задача аналитики. Ретроспективный анализ, рассматривая аналогичные в чем-то процессы, разыгранные историей на других подмостках и в иных одеждах как кейсы бродячего сюжета, позволяет четче формулировать предположения и точнее сфокусировать прогнозы.

Генезис больших исторических проектов нередко совмещался с попытками воплотить утопию как идеологическую оккупацию, реализуемую посредством организованного насилия. Именно утопизм стимулирует экстремизм в стремлении к земной реализации идеала. Транслированная в партийность, утопия становится обоснованием, средством легитимации тоталитарной структуры управления. Сопрягая же устремленность к торжеству идеала с нетерпимостью к иным воззрениям, утопизм порождает химеры. Его адепты подобно Виктору Франкенштейну пытались сшить идеальное тело из отторгнутой, конфискованной плоти многочисленных жертв, уничтожая «враждебных других» той или иной природы.

Взрывчатая смесь фрустрированной мысли и футуристичной практики возникала в различных обществах, объем статьи позволяет упомянуть лишь несколько «пустот, которые зло создает в наших сердцах и нашей истории»¹⁰, относящихся к разным регионам и культурам. В списке *конфессио-нально-ориентированных утопий*, вероятно, следует упомянуть «авторитарную коммуны» ордена ассасинов – низаритов-хашишейа, организация и дей-

⁸ Данные 2015 года аналитического центра Soufan Group. Эксперты: около 30 тыс. наемников из 86 стран воюют на стороне ИГ. 2015 // Международная панорама ТАСС. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2510144>.

⁹ «...число завербованных граждан России в состав ИГИЛ оценивается в 5-7 тысяч человек <...> В отчете международной кризисной группы от 2014 года предполагается, что число жителей стран Средней Азии в рядах ИГИЛ оценивается в 2 до 4 тысяч человек». Холзода Нурмухаммади. (2015). От России до «Исламского государства» – чем «промывают» мозги мигрантам? URL: <http://rus.ozodi.mobi/a/27129082.html>. Аналогичную цифру приводит в своих выступлениях председатель программы «Религия, общество и безопасность» Московского Центра Карнеги Алексей Малашенко: «...там очень много кавказцев, много выходцев из России, – от 5 до 7 тыс.». Магомедов Магомед, Шведов Григорий, Малашенко Алексей. (2015). Северный Кавказ: старые новые проблемы? (беседа). URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/27458041.html>.

¹⁰ Папа Франциск. (2015). «Там, где нет памяти, зло все еще держит рану открытой». URL: http://ru.radiovaticana.va/news/2015/04/13/обращение_папы_франциск_к_армянскому_народу/1136350.

ствия которого содержат яркие параллели с практикой «Исламского государства» [1. С. 74]¹¹. Однако феномен утопичной парарелигиозной государственности не является исключительным достоянием исламского культурного круга. Так, например, заря Реформации в *Universum Christianum* была схожим образом окрашена утопизмом в кровавых тонах: табориты Яна Жижки и пикарты, «движение башмака», крестьянская война в Германии...

Ряд характерных черт теократической государственности *Исламского государства* можно разглядеть в истории становления и упадка *Анабаптистского государства* (Täuferreich) – Мюнстерской коммуны (1534–1535), соединившей местных и пришлых единоверцев с тоскующими о будущем изгоями и неопитами, привлеченными радикальностью переворота. «Новый Сион» с харизматичными лидерами (*пророками*), идеологическими комиссарами (*апостолами*), организаторами (*конспираторами*), пропагандистами (*проповедниками*) провозглашался «креститущей христианского учения, веры и жизни». Возникло теологическое и политическое предприятие, предложившее радикальное и одновременно редуцированное решение проблем земного мироустройства в виде Христианского царства (Christendom) как версии «халифата» во главе с земным правителем.

Мюнстер стал городом-государством, инспирировавшим множество подвижных филиалов, связанных воедино пропагандой строительства Царства Божия на Земле и претензией на глобальную власть: его эмблемой был Земной шар со скрещенными мечами. По мере извлечения моральных стержней из человеческого реактора планировались восстания в других городах, множились автономные вооруженные бригады, велась пропаганда и вербовка сторонников во внешнем мире, параллельно с истреблением «безбожников» и чистками во внутреннем круге. Заодно уничтожались «неправильные» религиозные и культурные объекты: храмы, скульптуры, картины, книги, рукописи. Вводились специфические институты: общность имущества и многоженство (при обязательности замужества), практиковалась смена имен на изобретаемые новые, ставились публичные агитационные спектакли, проводились демонстрационные казни. Происходило испытание аль-

¹¹ Вот популярное, но концентрированное описание истоков и практики данного конфессионально-политического проекта: «Хасан I (Хасан ибн Ас-Саббах. – А.Н.) фактически создал государство, просуществовавшее до 1256 года. Он установил в Аламуте для всех без исключения суровый образ жизни. Первым делом демонстративно, во время мусульманского поста Рамадан, отменил на территории своего государства все законы шариата. За малейшее отступление грозила смертная казнь. Он наложил строжайший запрет на любое проявление роскоши. Ограничения касались всего: пиров, потешной охоты, внутреннего убранства домов, дорогих нарядов и т.п. Суть сводилась к тому, что в богатстве терялся всякий смысл. Зачем оно нужно, если его нельзя использовать? На первых этапах существования Аламутского государства Хасану I удалось создать нечто, похожее на средневековую утопию, которой не знал исламский мир и о которой даже не задумывались европейские мыслители того времени. Таким образом, он фактически свел на нет разницу между низшими и высшими слоями общества. По мнению некоторых историков, государство исмаилитов-низаритов сильно напоминало коммуну, с той лишь разницей, что власть в ней принадлежала не общему совету вольных тружеников, а авторитарному духовному лидеру-вождю».

тернативного будущего, созидаемого насилем в искаженной и все более деформируемой среде.

Размышляя о параллелях, связанных с *национальными движениями и отрицанием западной культуры*, можно вспомнить возникшее на пороге прошлого столетия в колонизируемом и балканизуемом Китае движение ихэтуаней (*ихэцюань* – «кулак во имя справедливости и согласия»). Пронизанный магизмом и фанатизмом людской поток, адаптировав под свои нужды религиозно-мистические ритуалы, заимствованные у традиционных сект, охватил тогда огромную территорию, в какой-то момент восставшие фактически овладели имперской столицей. Сеть подпольных ячеек и боевых отрядов превратилась в легальную военно-политическую конструкцию, особенно после достижения договоренностей с официальной властью – правительством императрицы Цыси. Объединяющим признаком пестрого мистико-националистического сообщества полевых командиров, напоминающего нынешние антиевропейские изводы, наподобие Боко Харам, была активная неприязнь ко всему иностранному и массовое, поголовное уничтожение иноверцев-христиан независимо от этнического происхождения. Процесс, однако, не достиг логического завершения, будучи прерван усилиями военной коалиции восьми стран Запада и Востока.

О своем видении исторических горизонтов заявила в начале XX века группа отцов-основателей *идеологически мотивированной утопии* – футуристичного образования потенциально глобальных пропорций, целью которого было «объединение трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику» [3]¹². На территории бывшей Российской империи утвердился режим с обязательной к исповеданию гражданской религией, суверенной системой ценностей и специфической моралью. Тоталитарная конструкция управлялась политическим оксюмороном – *единственной партией* в качестве «ядра государственных организаций» [4]¹³.

Миражи новой эры быстро окрасились в багровые тона. Практика красного террора, унаследовав худшие черты якобинской диктатуры, придавала репрессиям больший масштаб и обезличенный характер, направленный на сей раз против «буржуазных элементов». А с течением времени вовлекла в гибельную воронку и другие социальные группы, национальные сообщества [2. С. 118]¹⁴. В период «большого террора» сотни тысяч были расстре-

¹² «Новое союзное государство... послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику». Раздел первый. Декларация об образовании Союза Советских Социалистических Республик.

¹³ [Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) представляет] «руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных». Ст. 126 раздела «Основные права и обязанности граждан».

¹⁴ В течение 16 месяцев Большого террора (с августа 1937 по ноябрь 1938 гг.) по данным комиссии под председательством П.Н. Поспелова (1956 г.) по политическим мотивам было арестовано 1 548 366 человек, приговорено к расстрелу 681 692. В.Н. Земсков на основании собственных исследований уточняет: «...по документально подтвержденным данным, в

ляны вообще без судопроизводства «в порядке административного проведения дел через тройки» согласно региональным лимитам [7].

Перечень политорганов, внедрявших «новую нормальность», физически и морально уничтожая людей, диссонирующих с очередной утопией, данными примерами не исчерпывается. Достаточно вспомнить практику эвтаназии и Холокост в летописи Ordnung'a, вычеркнутого из истории антигитлеровской коалицией. Или эксперимент красных кхмеров по воплощению «стопроцентного коммунистического общества», прерванный интервенцией внешней силы (армии Вьетнама).

Токсичная государственность

Социальная вселенная переживает транзит в неравновесное, возможно перманентно подвижное состояние. Трансформируется система мировых связей, появляются слабо-формализованные игроки, состязаются инновационные формы организации [6. С. 80].

Расширилась номенклатура внешнеполитических организмов: мировые регулирующие органы, страны-системы, государства-корпорации, субсидиарные автономии и сепаратистские образования, геоэкономические интегрии, влиятельные сообщества, конституирующие *de facto* новый тип политорганов – власть вне привычных форм государственности. Обновляются международные регистры: к размежеванию на страны развитые и развивающиеся добавились другие оценочные категории – государство несостоявшееся, хрупкое, мафиозное, государство-изгой etc. Предельные рубежи складывающейся системы: постсовременное трансграничное сообщество (Новый Север) и территории неоархаизации (Глубокий Юг), отмеченные метастазами культуры смерти и контролируемые полевыми командирами, живущими за счет трофейной экономики.

Один из векторов глобальной трансформации – субсидиарность: добровольное разделение или вынужденное делегирование полномочий на региональный либо местный уровень. В цивилизованных формах это повышение статуса автономий: Шотландии, Квебека, Басконии и т.п. Другое проявление децентрализации – радикальный сепаратизм: появление государств с непризнанным или ограниченно признанным суверенитетом. На территории постсоветского пространства их список не так уж мал, включая Абхазию, Южную Осетию, Карабах, Приднестровье, ДНР, ЛНР.

В XX веке феномен государства-организации пережил расцвет как следствие этатистской эмансипации: демонтаж континентальных империй произвел на свет множество национальных государств, в которых партийный аппарат, руководивший борьбой, получал доступ к власти. Версальский эксперимент создал от Балтики до Черноморского побережья и далее к Адриатике геополитический пейзаж с дюжиной новых стран, протянувшихся

1937–1938 гг. по политическим мотивам было осуждено 1 344 923 человека, из них 681 692 приговорено к высшей мере».

цепочкой от Финляндии до сообщества южнославянских наций. В афразийской зоне рождение национальных государств было предопределено чересполосицей подмандатных территорий. Следующим актом исторической драмы уже после 2-й Мировой войны стала деколонизация морских империй. Осколки постимперской деколонизации порою достигал особый, «девятый» вал деконструкции, они оказывались во власти догоняющих волн этнонациональных конфликтов, разрушавших на сей раз локальных империалистов. Состоявшееся национальное государство сковывает подобные тенденции, формируя политическую нацию, кризис идентичности высвобождает их.

Провалы в государственном строительстве, смыкаясь с трещинами мироустройства, могут вести к ограниченным обрушениям цивилизации. Травматические инклюзии опознаются не только в исторической ретроспективе, но и в актуальном миростроительстве. Вспоминается драма распавшейся в 1990-е годы Югославии – наследницы постимперской чересполосицы лимитрофов Австро-Венгерской и Османской империй. Боевые действия, геноцид, деструкция были остановлены внешними усилиями, в том числе, на основе Дейтонских соглашений, предполагавших активную пасификацию. А затем, в случае с Косово, путем применения и более серьезных мер военного характера, итогом чего стало окончательное умиротворение Балканского региона.

Но издержки национального строительства, имперские грезы – это лишь одна сторона постимперского государственного строительства и политического творчества. Не менее серьезными и более живучими, устремленными в будущее оказываются перипетии, связанные с наследованием конфессиональных или идеологических кодов империй универсального толка (т.е. «халифатов», а не «султанатов»). Модель «Исламского государства», возникшего на *постосманских* территориях, можно сравнить, к примеру, с миражом Новороссии в *постсоветском* космосе, схожим образом привлекавшим извне прозелитов и симпатизантов. Действительно, начальный период процесса, демонстративно ориентированного на утопию «Советского Беловодья», содержит ряд ярких аллюзий с теорией и практикой ИГ. Однако перерождение шаткого имперско-советского гибрида «русской весны», ставшего инструментом геополитических амбиций, произошло, за короткий срок заместившись характерными для непризнанных образований правовыми деформациями и коррупционно-криминальной активностью¹⁵. Первона-

¹⁵ Подробный обзор ситуации в «ДНР-ЛНР» был опубликован в Газета.ru под красноречивым заголовком «Добро пожаловать в ад» (позднее редакцией интернет-издания оно было изменено). *Газета.ру*. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2015/06/18_a_6846469.shtml См. также оценку ситуации в непризнанных республиках со стороны Украины: «Самое большее, что нас беспокоит именно сейчас, – преступления против человечности <...>. Преступления эти имеют конкретные названия. Первое – расстрелы и пытки людей, независимо от того, с какой стороны они захвачены. Второе – работорговля <...> Кроме того, торговля оружием, взрывчаткой, незаконное попадание через захваченную Россией и российскими войсками украинскую границу». Дергачев Владимир, Кириллов Дмитрий. 2015. «Влезь или

чальный состав идейно мотивированных лидеров был изгнан, отозван, коррумпирован или уничтожен, а декларированные идеалы, ностальгические устремления оказались сырьем для демагогии, пропаганды и внешних манипуляций.

Список специфических черт подобных «пузырей земли», как правило, включает:

- фундаменталистское/постмодернистское прочтение традиции, парадоксальный идеологический футуризм или религиозный утопизм;
- подвижные границы контролируемых территорий, инволюцию к дробящимся сообществам, этно/конфессионально ориентированным городам-государствам;
- социальную инволюцию и неорархаизацию, культурную инверсию и цивилизационную эклектику, аксиологический кризис;
- уничтожение «неправильного» культурного наследия;
- использование захваченной инфраструктуры, производственных и финансовых активов, технологий, бюрократического аппарата;
- трофейную экономику как основу жизнедеятельности, логистическую всеядность, коррупцию;
- перманентное ведение иррегулярных боевых действий различной интенсивности при несоблюдении законов войны и неразборчивости в отношении атакуемых целей, применяемых средств, включая средства с непредсказуемым и потенциально катастрофическим результатом («черные лебеди»);
- политическое и вооруженное противоборство конфликтующих полковых командиров;
- участие несовершеннолетних в военизированных подразделениях;
- пытки и казни военнопленных, заключенных, заложничество¹⁶;
- антропологический пылесос, действующий как вовне, так и внутри территорий, аккумулируя представителей специфических сообществ и психологических типов (фанатизм, идеализм, инфантилизм, адреналиновую за-

умри'. Как выживает Донбасс. К чему пришли ЛНР и ДНР через год после референдума. *Lb.ua*. 2015. URL: http://lb.ua/news/2015/06/16/308384_valentin_nalivaychenko_voni.html.

¹⁶ «К счастью, я не вхожу в клоаку, под названием «СИСТЕМА» <...> Буквально несколько дней тому назад был подвергнут зверским издевательствам один из командиров подразделений нашей бригады. <...> Офицер был подвергнут пыткам, сродни гестапо! После освобождения из застенков доблестных армейцев, он был еле живой. Применялся даже электрический ток! <...> на место происшествия прибыл аж целый заместитель начальника штаба бригада! Некий “Паша бандит” – позывной говорит сам за себя... Гражданин прибыл в абсолютно пьяном состоянии! (после зарплаты, в армии ЛНР это закономерно, тем более, что в эти подразделения в основном уходили те, кого выгоняли за пьянки и не достойное поведение из наших <...> В связи с этим у меня возникает вопрос, так кто же все-таки является бандформированием???)» (командир бригады «Призрак» Алексей Мозговой). *Антикор*. 2015. URL: http://antikor.com.ua/articles/40295-ocherednye_otkrovenija_o_hizni_v_lnr_ot_mozgovogo.

висимость, асоциальные наклонности), экспортируя в реверсном режиме социальный травматизм¹⁷;

- криминализацию, контрабанду, контрафакт, наркотрафик, торговлю людьми и оружием;
- различного рода рестрикции, системное нарушение прав человека, замещение в социальном регулировании конвенции насилием;
- гендерные эксцессы¹⁸;
- психологическую и санитарно-эпидемиологическую дестабилизацию, экологические угрозы;
- беженцев и переселенцев.

Исторические трансформации чреватые как появлением иного порядка, так и системной хаотизацией. Те или иные формы сомализации можно наблюдать в разных местах планеты. Кризис переживают многие территории, захваченные культурой Модернити, но симулировавшие институты национального государства без воссоздания его основы – гражданского общества. Список же наиболее проблемных ареалов – летопись перипетий национального строительства, он включает САДР, Азавад, Восточное Конго, Дарфур, Сомалиленд, Газу, Азад Кашмир, Вазиристан, «зону племен» в Пакистане, Ва, Шан – на севере Мьянмы, «золотой треугольник» на Индокитайском полуострове, другие «золотые земли» и т.д.

Траектории будущего сопряжены с критическими обстоятельствами, ставя под сомнение привычные ориентиры. Бурлящее многолюдье, заместив решительностью установления современности, корректирует сценарии футур-истории, используя опыт поколений, но при этом руководствуясь собственной аксиологией. Во взаимосвязанном мире региональные турбулент-

¹⁷ «Туда люди едут кто за приключениями, кто за боевым опытом... У каждого свои причины. Конечно, какая-то неустроенность по большей части у этих людей. Как в ИГИЛ, почему туда едут люди? Думают, что они будут там нужны, будут востребованы. Здесь – то же самое. Когда попадаешь туда, буквально с первых минут понимаешь, что это не воинское подразделение – это банда самая настоящая. Несколько общежитий, добровольцы постоянно прибывали из России, из других стран тоже. Единственное, кто тренировался, – это испанцы, интернациональная у них была рота: испанцы, итальянцы, французы» (российский предприниматель-ополченец Бондо Доровских). *Аностроф*. 2015. URL: <http://apostrophe.ua/news/politics/2015-04-20/otkroveniya-byivshego-boevika-na-donbasse-prosto-bandyi-rossiya-podderjivaet-terror/21946>.

¹⁸ 25 октября 2014 года в подконтрольном «ЛНР» Алчевске состоялся «народный суд» под председательством Алексея Мозгового над двумя мужчинами, подозреваемыми в изнасиловании 15-летней и 13-летней девочек, в ходе которого около 300 жителей города путем «поднятия руки» проголосовали за смертный приговор через расстрел одному из мужчин, а другого приговорили к отправке на линию фронта, чтобы он мог «искупить свою вину и умереть с честью». В ходе данного заседания Мозговой заявил: «Пускай даже юридическая общественность заявит, что это несовершенная форма с точки зрения юриспруденции, но зато это совершенная форма народовластия. Сегодня у вас есть первый шанс действительно проявить себя как активное гражданское общество с активной позицией и правом слова». Тогда же Мозговой сказал, что «патрулю будет дан особый приказ — всех девушек арестовывать, которые будут находиться в кабаках», отметив что «женщина должна быть хранительницей очага, матерью. А какими матерями они становятся после кабаков?». *В час тик*. 2016. URL: <http://vchaspik.ua/biography/394420-mozgovoy-aleksey-borisovich>.

ности способны вызывать каскадные процессы, вовлекая возрастающее число участников и предвещая радикальные перемены.

Литература

1. Головки В., Петропавловский Е. Орден ассасинов // Наука и техника. – 2010. – № 11 (54). – С. 73–80.
2. Земсков В.Н. К вопросу о масштабах репрессий в СССР // Социологические исследования. – 1995. – № 9. – С. 118–127.
3. Конституция. Основной закон Союза Советских Социалистических Республик. М., 1924.
4. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. – М.: Гослитиздат, 1936.
5. Некlessа А.И. Сердце тьмы. Травматическая инклюзия // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015. – № 2 (34). – С. 280–295.
6. Некlessа А.И. Кризис истории. Мир как незавершенный проект // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 1. – С. 80–95. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.06>.
7. Охотин Н.Г., Рогинский А.Б. (сост.). «Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника. – 30 октября. 2007. – № 74.
8. Cottee Simon. 2015. The Challenge of Jihadi Cool. The Atlantic. Dec. 24. – URL: <http://www.theatlantic.com/international/archive/2015/12/isis-jihadi-cool/421776/>.

ISIS AS A SOFT STATE (STATE AS ORGANIZATION)

A.I. Neklessa¹⁹

*Commission on Socio-Cultural Issues of Globalization,
Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies*

The subject of this research is the "Islamic State", considered as specific form of political body arranged in public format, which is not, however nation-state – basic state-form while Modernity. The purpose of the study is to define this specific format, comparing it with possible historical analogues, allocating their special features. The hypothesis of the study – IGIL/DAISH is a postmodern and neo-archaic entity simultaneously. The main characteristics of such statehood: claim for possession of the truth and mandatory State ideology (totalitarianism); authoritarian and closed loop power structure (nomenclature); universal and global claims (expansionism); fanaticism, the cult of force and leader, xenophobia, extreme forms of coercion and punishment, harassment of dissenters; the destruction of heritage values and artifacts of other cultures. Progress towards universal Jihad is considered as personal and social upheaval, motivated to update its own fate and trajectory of the world. Samples of the State Organization and close to it: a) *in Islamic culture*: distributed statehood Nizari (hashishija); b) *in Christian culture*: the local communes Münster statehood; c) national movement: Boxer's para-state; d) *in secular culture*: a construct of the "World Soviet Socialist Republic"; e) *in the modern world*: traumatic inclusion Donbass (ORDLO). "The Islamic State" is as well a sample of postmodern activism, a futuristic glimpse with elements of franchising and "Islamic communism" – all this resonated with people, frustrated

¹⁹ E-mail: neklessa@intelros.ru

and traumatized. Macabre version of “Journey to the East”, catching the relay from Christian mission, left & right-wing radicalism, New Age, verifies its status as a historic breakthrough with own and specific maps of the future.

Keywords: ISIS, DAISH, soft state, utopia, political regime, extremism, totalitarianism.

Приложение

Созидание будущего: Цивилизационная конкуренция как фактор переустройства мира.

Ежегодно на Экономический форум в Крынице-Здруй (Польша) – самую крупную конференцию в Центральной Европе – приезжает свыше трех тысяч участников и журналистов. Своими взглядами на актуальную политическую, экономическую и общественную ситуацию обмениваются главы правительств и парламентов, министры и депутаты, председатели крупнейших фирм, известные эксперты, представители мира науки, культуры и СМИ из более чем 60 стран. Мы побеседовали с гостем Форума, руководителем проекта «Созидание будущего. Цивилизационная конкуренция как фактор переустройства мира», председателем Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации РАН *Александром Неклессой*.

– У нас, когда долго бежишь, непременно попадаешь в другое место.

– Ну, а здесь, знаешь ли, приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте, а чтобы попасть в другое место, нужно бежать вдвое быстрее.

Льюис Кэрролл «Алиса в Зазеркалье»

➤ **Кризис истории**

– *Александр Иванович, хотелось бы узнать: каким вам видится будущее страны и мира? Но прежде чем углубиться в детали, предлагаю начать с общих констатаций: что сейчас движет историю, какова расстановка сил на планете, кто является ключевым игроком?*

– Ну, что ж, давайте начнем разговор с общих констатаций, тривиальных и не вполне... Очевидно, что провозглашенный было конец истории не наступил ни в прошлом веке, ни в нынешнем. История, однако, серьезно споткнулась, и в мире происходит глубокий переворот. Существенно изменяется мироустройство и одновременно – наше представление об истории как осмыслению былого: будущее становится важнее прошлого. Кризис истории – это кризис будущего. Поток футур-истории, вливаясь в будущее, размывает русло совокупной судьбы человечества, образуя своеобразную дельту, разделяясь на многочисленные протоки и сюжеты. Искусство аналитики – углядеть в этом разнообразии новое и важное.

Будущее реализуется в настоящем. Мы участвуем в грандиозном строительстве, различая в лучшем случае лишь контур либо особо впечатляющие фрагменты возводимого здания. Меняются системы управления, география мировых центров, возникают слабосвязанные с прошлым субъекты действия. Появляются неформальные персонажи, причем играют они по своим, порой не слишком внятным правилам. А столь часто поминаемая *глобализация* сопровождается *индивидуацией* – генерацией людей нового века.

Теперь о продвижении истории и проектировании будущего. Ключевых игроков у истории сегодня два. Во-первых, интернациональное многолюдье. Численность людей на планете в прошлом веке прирастала миллиардами, росла сумма пассионарных индивидов, и с какого-то момента массы приходят в движение. Глобальная демократизация, индустриализация, деколонизация, наличие современных транспортных средств, обилие иных коммуникаций, их ценовая доступность, скорость и универсальность распространения информации резко повысили интенсивность взаимодействий, делая государственные разграничения менее значимыми, по сути, девальвируя их. Антропоток беженцев заливают Европу (и не только), растворяя и переплавляя прежний мир.

Восстание масс обретает второе дыхание, размывая социальные и другие стандарты. Но главное – это *бурлящее многолюдье*, заместив решительностью культурные установления современности, получило доступ к эффективным инструментам, созданным гением технической цивилизации. Причем используются как конструктивные, так и деструктивные возможности: террористы и хакеры обустроивают сценарии перемен, используя технические и технологические достижения эпохи.

Второй игрок – это личность нового типа.

Необходимость ориентироваться и эффективно действовать в распределенных по странам и весям анклавах нового мира предьявляет запрос на сложную, высокоорганизованную личность, обладающую развитым комплексным интеллектом, культурным капиталом и владеющую разнообразными, подчас уникальными искусствами.

На планете разворачивается своего рода *восстание личности* против власти традиций и тирании стереотипов, сопряженное с бунтом элит – мы наблюдаем пришествие личностно-ориентированного общества, сочетающего эффективных управленцев и плодотворных креаторов в диалектические молекулы, создающие новую реальность и обустроивающие свое видение будущего. Как результат происходит умножение сетевых предприятий, возводимых поверх прежних барьеров. Виртуальная коммуникация, транспортная оперативность, глобальная логистика отменяют пространственные разграничения. В фирмах и корпорациях различной размерности работают специалисты, находящиеся подчас на разных континентах, бизнес платит налоги в том месте, где это выгодно, представители различных стран и этносов совместно трудятся в рассредоточенных по планете венчурных предприятиях, исследовательских и университетских центрах – список можно продол-

жить... Складываются деятельные трансграничные сообщества, конструктивные и деструктивные, реализующие свои, избранные по тем или иным мотивам маршруты перемен.

Акцент переносится с регламентированных, обезличенных бюрократических учреждений на амбициозные коалиции, мобильные корпорации и сообщества, демонстрирующие проактивность и предприимчивость, реализуя переход от обобщающих деклараций к персонализированному управлению событиями, используя при этом ресурс сопряжения с будущим – технологическую, социальную и правовую новизну, умение действовать в условиях перманентного транзита.

Массы – перемещаются и перемешиваются, индивиды – развиваются, фанатики и партии декларируют собственные претензии миру, порою убийственным образом.

Сложившиеся же ранее институты и регламенты играют все менее значимую роль. Удержание равновесия в подобной среде представляется все более сомнительным: планетарная конструкция напоминает перегретый котел, приподняв крышку которого, видишь мир, приближающийся к турбулентности.

➤ Мир как корпорация людей

– Так кто же – «массовое общество» или «сложные личности» оказываются сегодня главным двигателем истории? Вы можете назвать имена звезд на предпринимательском небосклоне?

– Смысл истории – «мистерии поступков» (Георгий Федотов) – становление человека. Мы определяем будущее и познаем судьбу, испытывая возможности и осмысляя риски, отказываясь от спекулятивных обобщений, обезличивающих жизнь и упускающих уникальность. Бернард Маламуд в одной из книг написал замечательную фразу: «Если б героев не было, мы бы не знали, на что способны». В антропологической вселенной зажигается, мерцает и гаснет множество звезд, ну а в предпринимательской сфере властно утверждается новый влиятельный персонаж – *manterpriser* (*man* – человек; *enterprise* – предприятие), человек-предприятие. В числе оных – Илон Маск (SpaceX; Tesla), энигматичный «Сатоши Накамото» (Bitcoin), Ма Юнь (Alibaba Group), Джефф Безос (Amazon, Blue Origin), Сергей Брин и Ларри Пейдж (Google), Билл Гейтс (Microsoft), Марк Цукерберг (Facebook), Ричард Брэнсон (Virgin), Уоррен Баффет, Майкл Блумберг, Шелдон Адельсон, Ли Кашин, Карлос Слим, Мукеш Амбани, Азим Премжи и подобные им.

Россия фактически состязается сегодня не с США, Европой или Китаем, а с обобщенным «Илоном Маском», но для нее это не вполне очевидно.

Приведу кейс из хроник нового века, своего рода «письмо из будущего». Примером возможностей частных инициатив в техносфере и социальной среде может служить деятельность корпораций Tesla и SpaceX, инициированных Илоном Маском, деятельно расширяющих образ практики, вводя

в повседневность электрические и беспилотные автомобили, частные космические запуски, создав ракету многоцелевого использования. В конце прошлого года Илон Маск подал в американскую Комиссию по связи заявку на организацию орбитальной спутниковой сети для глобальной коммуникации, собираясь запустить несколько тысяч спутников, в результате чего жители Земли получают доступ к беспроводному спутниковому Интернету со всеми вытекающими последствиями (то есть универсальный, независимый от земных сетей доступ к информации и связи).

➤ **Бунт элит**

– *А что в новой реальности произойдет или уже происходит с традиционными игроками – государствами?*

– Переход от индустриальной эпохи к нелинейной новизне не просто меняет, но драматизирует, приватизирует и мультиплицирует историю. Национальное государство сохраняется, однако его значение девальвируется, удельный вес уменьшается. Новое общество стимулирует трансграничность, кооперацию, синергию официальных и частных форматов, развивая их партнерство и конкуренцию.

Вот еще кейс – американская администрация недавно размышляла над идеей замены остающихся в Афганистане армейских частей на контингент частных консультантов, причем с существенным экономическим эффектом. По сути, речь идет не просто об использовании ЧВК, но комплексном аутсорсинге региональной ситуации. Нечто подобное просматривается, кстати, в деятельности российского ООО «Евро Полис» («ЧВК Вагнера»). Оптимизируются решения и других задач посредством приватизации государственных функций: частные тюрьмы или тот же частный космос.

Проактивная личность, развитые частные и партнерские институты приходят на смену скованному формальными регламентами Левиафану. Императив новизны решений и скорости их принятия конфликтует при этом с неподконтрольностью возможных девиаций.

В мире совершается переворот, обширная перестройка институтов. Мы наблюдали серию обрушений обезличенных партийных структур параллельно с умножением надпартийных персонализированных предприятий: феномены Дональда Трампа в США, Эммануэля Макрона в Европе, равно как прочие признаки и призраки гуляющей по миру политической трансформации, включая «чудо Brexit'a».

Что такое, в сущности, победа Дональда Трампа? Во внутренней политике – это пример прямого действия коалиции влиятельных персонажей, социополитическая и стилистическая революция (хорошо темперированное подобие «американской весны»). И яркий симптом перемен, в данном случае – кризиса политического истеблишмента США в том виде, в каком он существовал. Во внешней – Америка переходит от глобальных обобщений Обамы к геоэкономическому сосредоточению. Brexit, восточноевропейский то ли бунт, то ли ворчание, другие континентальные пертурбации – анало-

гичное, по сути, знамение социального транзита, сбоя бюрократической машины, но уже Европейского Союза.

Топография мира меняет систему координат; время все чаще доминирует над пространством. Агентство 2thinknow Innovation Centre Cities регулярно публикует рейтинг инновационного потенциала городов планеты (оцениваемого с позиций инновационной экономики), подразделяя их на пять регистров: *сплетения* (nexus), *хабы* (hub), *узлы* (nod), *продвинутые* (advanced), *стартапы* (upstarter). В сущности, это классификация городов по степени их проникновения за горизонт текущих событий (probing) и обратного влияния на мир. Индекс нынешнего года так представляет десятку лидеров – источников и лекал будущего: Лондон, Нью-Йорк, Токио, Сан-Франциско-Сан-Хосе, Бостон, Лос-Анжелес, Сингапур, Торонто, Париж, Вена.

Олигархичные, авторитарные структуры управления проигрывают историческое соревнование с инструментально аранжированным обществом активных и мотивированных индивидов (ср. «гражданское политическое общество» – Мэйфлауерское соглашение). Новое явление – на наших глазах возникли и умножаются децентрализованные, неподконтрольные государствам, самостоятельные финансовые системы, чей центральный банк смещен, если не в область метафизики, то деятельной абстракции. Яркий пример – рынок криптовалют: старый и новый (cash) биткоины, разделившийся эфириум, риппл, лайткоин, даркоин, прочие альткоины. В различных местах появляются фабрики криптовалют, биржи по их котировке, центры конвертации. Кстати, те, кто лет шесть-семь назад вложил пару сотен долларов в этот экзотичный финансовый инструмент, сегодня являются долларовыми миллионерами.

Значение геополитики ослабевает, перемещаясь из военной сферы в область транспортных коммуникаций и далее трансформируясь в геоэкономические конструкты – деятельные пространства важнее обладания земными территориями. Экономика, культура, интеллект выходят на первый план. Если же взглянуть за горизонт, приоритет придется отдать *геоантропологии* – сумме процессов и ситуаций, возникающих при распределении и перераспределении человеческих ресурсов на планете с учетом их качественных характеристик.

➤ **«По долинам и по взгорьям...»**

– *А как обстоят дела на Востоке?*

– *Пути и способы решения задач, с которыми России уже приходится, либо еще придется разбираться, испытываются и на Западе, и на Юге, и на Востоке. Весь мир сегодня – полигон, где определяется позитивная и негативная результативность новых методов, структур, стратегий.*

КНР, ощутив ветер перемен, по-своему решает задачи исторического транзита, планомерно готовясь к выходу на «центральную сцену». Выдвигаясь во внешний мир, замещая СССР в биполярной, скорее геоэкономической, нежели геополитической логике мироустройства, Китай обустроивает

транспортно-логистические и ресурсные плацдармы в Евразии и Африке, используя, в том числе, Шанхайскую организацию сотрудничества. Достигшая пределов торговая экспансия частично компенсируется не только развитием внутреннего рынка, но также инвестициями в инфраструктурные проекты, самый заметный из которых «Пояс и Путь» (Новый Шелковый путь): комплексный и неоднозначный трансконтинентальный мегапроект – сочетание железнодорожных и морских транспортных артерий (уже соединивших КНР с 18 европейскими странами). Однако рост инвестиций сопряжен с растущим омертвлением капитала и увеличением долговой нагрузки.

Сегодня Пекину приходится размышлять о преобразовании управления страной, о стратегии обновления и обустройстве власти в динамичной реальности.

Руководство КНР, стремясь достичь к середине века статуса супердержавы, несколько лет назад провозгласило программу построения гармоничного, креативного общества с высокими доходами к 2030 году. Публично декларированные «скрепы» пути: открытость, внятность, деbüroкратизация, демократизация. Однако главная проблема в другом.

Китайцы сознают значение перемен, сложнее обстоит дело с коррекцией принципов правления, традиционными ценностями и осознанием будущего как иного. Декларируя собственный путь развития, КНР не стремится создавать чрезмерно оригинальный продукт, радикально «менять лыжную», предпочитая искать основания перемен в глубинах собственной культуры и подходить к проблеме технократично: брать на глобальном рынке идей, проектов, технологий то, что представляется в данный момент необходимым и эффективным (избегая, однако, слепого копирования). Выбранный продукт адаптируется под национальную специфику: раньше это был марксистский протокол, сегодня Китай внимательно присматривается к американскому опыту.

➤ **Борьба за будущее**

– И последний, но, возможно, главный вопрос – а как же Россия, каково ее положение?

– Реконструкция России так или иначе неизбежна, практически все ситуации транзитны. Есть логика больших систем, можно что-то приблизить или отсрочить, но избежать нельзя. Вопрос не в том, имеется ли решение, вопрос в его опознании, характере, цене и последствиях.

Прошла рябь кадровых изменений, грядет волна деклараций, преобразований, которые изберут к добру или худу, но суть кризиса перехода – в реальности, а не ментальности, он шире ситуации витязя на распутье. Последнее прибежище утопизма – грезы о Wunderwaffe или «лебединых питомниках» – отражают не столько приязнь к негативной диалектике, сколько помрачение духа. Следующая фаза – региональное самовластье при сохранении оммажа тускнеющей оболочке. Ресурс для конструирования нации (центральная проблема) – альтернативный опыт 14-ти (и более) субъектов постсоветской суверенизации: балтийских, закавказских, центрально-

азиатских, чьи маршруты были сопряжены с российской судьбой. Особенно важен опыт стран со схожей в ряде аспектов проблематикой: Беларуси, Украины, Молдовы. Вскрывавшиеся проблемы, возникавшие ситуации, смысловые доминанты, конфликты и взаимодействия, модели регионального обустройства – опыт, необходимый для российской реабилитации. Конечно, важна ориентация в глобальном ландшафте, понимание вектора перемен, на что отчасти и нацелен проект.

Будущее не гарантировано ходом стрелок по циферблату – фактически они движутся по кругу, у социального времени – другие резоны и циферблат. Будущее можно обрести и утратить: его создают, исправляя огрехи. Но прошлое вполне способно к экспансии и агрессии. Мир сегодня – расколотый пейзаж, футуристика фрагментарна, перемежаясь с архаикой, как явной, так и декорируемой под культурную традицию, конфессиональную реституцию, национальное сопротивление. Подобно ряду постсоветских и постколониальных сообществ Россия оказалась в полосе отчуждения от вызовов времени. Испытывая дефицит культурного и морального капитала, она пребывает в интеллектуальной и социальной растерянности.

Переход от рации индустриализма к сложному массово-персонализированному обществу происходит на глазах, но не в РФ. Сложившийся формат отношений вместо личностного роста слишком часто демонстрирует недобросовестность, невежество, сервизм, произвол, минимизируя столь ценимые в новой ситуации ресурсы: статус человека, общественные коммуникации, социальный энтузиазм. Доминантными же ценностями утвердились денежный доход и авторитетная силовая/чиновничья позиция. При этом богатство осознается преимущественно в финансовых категориях и слишком часто воспринимается не как инструмент, энергия, ресурс развития, но в количественном, компенсаторном измерении: как имущество, индикатор статуса, наследие (то есть *состояние*, а не *существование*). Достаточно вспомнить выразительное «замковое соревнование»... Феодализация страны и власти перестает быть карикатурой, соответственно сокращается спектр возможностей, сужается горизонт планирования, проявляется кризис будущего. Потенциальный субъект перемен, являющийся бенефициаром данной системы, будет скорее имитировать, нежели эмитировать будущее, поскольку стремится сохранить ситуацию, сопряженную с обретенными преимуществами, обоснованно предполагая свою уязвимость при перемене участи.

Россия, к сожалению, зачарована логикой и методами прошлых столетий. Но постоянно запрещать что-то, воевать против кого-то – ментальность рефлекторно-охранительного свойства, в то время как актуальная проблема – кризис истории, комплексная реальность, вариативность, нелинейность будущего. Его созидание, удержание, освоение.